

**Прикладная этика:  
перспективы конструирования образовательных программ**

*Аннотация.* Статья посвящена перспективам разработки образовательных программ по направлению «Прикладная этика». Как исследовательской области прикладной этике удалось закрепиться среди гуманитарных наук, но её массовое преподавание в высшей школе по оригинальным образовательным стандартам до сих пор не началось. Эта неудача связана как с бесконечными реформами высшего образования, не дающими развернуть инновационные направления подготовки, так и с отсутствием ясных, понятных для абитуриентов, отличительных черт самого направления. С введением в действие нового перечня специальностей прикладная этика получит возможность развиваться в качестве полноценного двухуровневого фундаментального образования. Автор показывает, что для достижения успеха программе следует отходить от абстрактных теоретических моделей и строиться вокруг обсуждения самых острых моральных коллизий современности. Её проектирование должно предусмотреть создание дискуссионных площадок для организации диалога по ценностным вопросам всех заинтересованных сторон. Отсюда основными компетенциями образования в области прикладной этики должны стать навыки ценностной аргументации, умение обосновывать моральную позицию, прогнозирование этических рисков, способность видеть последствия непродуманных решений для морального состояния общества и т.д.

*Ключевые слова:* этика, прикладная этика, образование, образовательные программы, магистратура, ценности, ответственность.

Тема, заявленная в юбилейном выпуске «Ведомостей...», подводит итог развития прикладной этики в нашей стране длиной почти в 30 лет. Как исследовательская область она вполне состоялась и стала одним из признанных направлений гуманитарного знания. Простой запрос на РИНЦе дает более 10 тыс. публикаций, прямо посвященных прикладной этике, а статей со смежной проблематикой, касающихся, к примеру, вопросов профессиональной этики в разных сферах, набирается не меньше. Остается только сожалеть, что в стране существует лишь один активно работающий Научно-исследовательский институт прикладной этики при Тюменском индустриальном университете, и мизерное количество периодических изданий, посвященных этой исследовательской проблематике. Тем временем число моральных коллизий в окружающем мире растет; появ-

ляются сложные, иногда драматические дилеммы, затрагивающие огромное количество людей. Вспомнить хотя бы незавершившуюся до сих пор пандемию, где игнорирование индивидуально-ценностных оснований принимаемых решений едва не привело к серьезной конфронтации в обществе. В этом же контексте возникли острые проблемы, связанные с социальной справедливостью и заботой, и было заметно, что в российском обществе моральная рефлексия над этическими коллизиями такого рода просто неразвита. С первого взгляда может показаться, что размышления в этой сфере могут быть присущи любой обыденной точке зрения, но, как показала практика, дискуссии, идущие в СМИ на основе подобной рефлексии сводятся лишь к набору банальностей. Они не способствуют появлению новых подходов к решению острых конфликтных ситуаций.

Для тех, кто вовлечен в изучение современной этики и моральных конфликтов, нет сомнений, что в значительной степени этот пробел могло бы ликвидировать развертывание системы преподавания прикладной этики. Сейчас очевидно, что критическая масса исследований в этой области способна выйти на широкие образовательные площадки, причем как основного высшего, так и дополнительного образования. У прикладной этики в России есть очень интересные подходы и модели, которые могут применяться в различных сферах жизни общества, есть также качественные методические достижения в виде учебных пособий. Ещё с начала 2000-х годов, когда эта дисциплина получила признание как независимое направление подготовки, появились новые возможности в её преподавании. К середине двухтысячных в разных университетах было разработано несколько магистерских программ, но, к сожалению, успешно реализованной оказалась только программа в Санкт-Петербургском университете. По предположению, их было ещё около десяти, и не реализовались они не из-за отсутствия интереса к самой предметной области, а вследствие драматических событий, происходивших в образовании в то время. Именно тогда, с середины 2000-х, под видом очередного витка реформ образования начал осуществляться разгром уникальных университетов, имеющих серьезные научно-образовательные традиции, в виде объединений с другими вузами, упразднениями, расформированиями кафедр, целых факультетов и т.д. В этом хаосе, перед гуманитариями остро встала проблема выживания, уже не могло быть и речи о разработке на их основе новых образовательных программ и углубленной подготовки. Эти разрушительные процессы сопровождались сокращением, либо перераспределением бюджетных мест, даже там, где новые направления все-таки открывались, этих мест на них не оставалось. Коммерческие же

места по новому только появившемуся направлению, ещё не могли никого заинтересовать, особенно в нестоличных университетах. Интересно, что программы по прикладной этике, открываемые гуманитарными факультетами, иногда позиционировались как инновационные и даже прорывные, но в условиях бесконечных реформ, якобы направленных на модернизацию образования, они закрывались первыми.

На смену тенденции к инновации в начале 2010-х годов пришла идеология тотальной коммерциализации вузов, и программы, которые не могли набрать бюджет, больше не имели будущего. Другим важным моментом стал идеологический, выраженный следующим обстоятельством. Прикладная этика по своей сути является институтом гражданского общества, где большинство людей получают возможность обсуждать волнующие их темы. Но даже в вузах, где их развитие традиционно определялось большинством научно-педагогического коллектива, вместо демократических институтов была внедрена система жесткой иерархии, где начальствующие элементы иногда вообще не имели отношения к образованию. В сложной обстановке, когда коллективы оказались отчужденными от целей работы их университетов, говорить даже о самой близкой из всех прикладных этик – академической – стало почти невозможным. В некоторых аспектах различных драматических трансформаций ситуация доходила до абсурда: с высоких академических трибун говорилось об уникальной «корпоративной культуре университета», об управлении ценностями и имидже вуза, но в реальности эта культура целенаправленно уничтожалась, а все административные реформы высшего образования были направлены на замену образовательнотворческой университетской атмосферы идеологией безликого офиса, занятого «оказанием образовательных услуг». В этом контексте интересно сравнить количество статей об университетской культуре, написанных до 2012 года и позже. В последнее десятилетие к этой теме интерес пропал, ибо во многом исчезло само явление. Особая корпоративная культура вуза была в значительной степени вытеснена культурой административно-коммерческой организации, где царствуют обезличенные отношения и диктат формальных цифровых показателей.

С другой стороны, нельзя отменить вину за неудачу новых образовательных программ, лежащую на самих университетах. На практике никому из них, кто заявлял программу данного направления, и все же смог закрепить свой проект на административном уровне, не удалось ничего сделать для её настойчивого продвижения в образовательной среде. Также заинтересованному сообществу не

удалось создать пространство, где разработчики инновационных программ могли бы обмениваться опытом. В том числе совместно создавая и улучшая образовательные стандарты нового поколения. Если не сложилось профессионального академического сообщества, то не сложится и устойчивых принципов организации преподавания и всего учебного процесса. Кроме того, создателями не был сделан акцент на общественной значимости этих программ, и они «потонули» в общей массе различных однотипных образовательных услуг. В итоге никто из них так и не смог наладить связи с теми социальными институтами, которые могли бы заинтересоваться подготовкой выпускников, обладающих этическими компетенциями. Создавалась несколько парадоксальная ситуация: практики гуманитарной экспертизы и этического регулирования активно развивались, особенно в сфере бизнеса, но устойчивого запроса на академическое образование в этой области не наблюдается до сих пор. Это, кстати, серьезный симптом для университетов, в котором просматривается взаимное недопонимание: деловые организации, судя по всему, уверены в отстраненности высшего образования от жизни, а академические круги не могут найти с ними общего языка. Отсюда появляется иллюзия невостребованности этического образования, хотя основная трудность заключается не в его содержании, а в растущем отрыве высшего образования от общественных запросов. Очевидно, что деловой мир стремительно развивается, и ему уже непонятны традиционные формы обучения, замкнутые на стабильное расписание, растянутое на семестр, на неизменяемые программы и монологическую форму изложения. Требования последних дней – это дистанционный формат, модульная система, когда стандартный курс вычитывается за короткое время, а задания также выполняются в электронной форме [1]. Как мы понимаем, изменение формы преподавания также подразумевает коррекцию его содержания, но стремительно менять наполнение учебных курсов получается далеко не у всех вузов. Тем не менее, абитуриенты идут на такую программу, как правило, для того, чтобы поделиться собственным видением моральных проблем, но спикеры не всегда готовы их выслушать.

Несмотря на относительную неудачу в организации преподавания прикладной этики, выразившейся в крахе образовательных программ первой волны, это направление не было закрыто и продолжает существовать. Более того, если посмотреть на новый перечень специальностей, то с 2024 года закрепляется подготовка по прикладной этике с квалификацией «бакалавр» [2]. Получая прописку сразу на двух уровнях образования, прикладная этика избавляется от статуса «неполноценного» направления подготовки, неразличимого с

общей философией, и получает возможность развернуть фундаментальную образовательную стратегию, рассчитанную на 6 лет обучения. В таких условиях возникает вопрос – каким содержанием наполнить образовательные программы по прикладной этике, чтобы они не потерпели новую неудачу. Здесь речь уже идет не о краткосрочных курсах, нацеленных на передачу весьма поверхностных знаний, а о серьезной теоретической базе, на основании которой будущие выпускники смогут создавать свои образовательные и просветительские проекты в области прикладной этики.

На наш взгляд, следует иметь в виду несколько непростых внутренних факторов, без учета которых программы не привлекут внимания абитуриентов. Прикладная этика – это принципиально дискуссионная площадка, где теоретические выводы формулируются по итогам острых споров. Можно сказать, что таким же свойством обладает каждая наука, особенно социально-гуманитарная, и ни у одной из них нет согласия по базовым понятиям и методологическим основаниям. У прикладной этики ситуация несколько другая: она является дискуссионной площадкой, где спорят не только специалисты-ученые, но сталкиваются мнения профессионалов и простых людей, а точнее взгляды тех, кто желает выразить интересы общества. В терминологии защитницы этики заботы Дж. Тронто – это спор между «интерналистами» и «экстерналистами» [3]. Нередко он сводится к выяснению, кто из них является большим авторитетом при обсуждении моральных вопросов. Очень часто такого рода диалог начинается с требований, которые общество предъявляет различным профессиональным практикам, в то время, когда сами практики не всегда видят остроту назревших проблем. Но бывает и так, что сами профессионалы говорят об опасностях, которые общество не сразу видит. Например, так в нашей стране происходит с академической этикой, где наиболее острые, критические высказывания раздаются со стороны ученых и педагогов. Общество же, если говорить об этой сфере, погружено в состояние апатии и, кажется, уже не верит, что систему образования можно сделать лучше. В других же областях общественное сознание не соглашается с тем, что профессиональные решения относительно больших групп населения могут приниматься только из узкокорпоративного понимания ценностей, без учета мнения этих групп. В этом плане роль специалиста по прикладной этике видится в том, как организовать диалог «интерналов» и «экстерналов» на взаимном уважительном уровне, а также показать им, что в обсуждении моральных вопросов не может быть авторитетов, а есть только совместный поиск приемлемых выходов.

Уточняя мысль Дж. Тронто, надо понимать, что диалог между профессионалом и общественным активистом о моральных коллизиях – отнюдь не только диалог между специалистом и дилетантом. В некоторых сферах «дилетанты» могут быть значительно больше вовлечены в предметную сферу, чем «профессионалы», например, «вечный студент», получивший несколько высших образований, может знать об академической культуре больше начинающего преподавателя. В современном мире трудно представить существование изолированных друг от друга профессий, как и полностью изолированных народов. Любой активист «со стороны» сам может быть успешным профессионалом в своей области, и поэтому он сравнивает ценностные стандарты своей практики со стандартами другой. Здесь речь скорее идет о ценностных основаниях конкретной практики двух вовлеченных сторон, но их понимание может быть различным. Допустим, роль адвоката в обществе представляется равным образом защита справедливости и бизнеса, в то время для общественного наблюдателя важно, чтобы справедливость все-таки превалировала над интересами бизнеса. Прикладная этика, актуализируя такой диалог, показывает, что, пожалуй, ни одна иная гуманитарная область знания не сможет сделать это лучше неё – не сможет лучше заострить вопросы о целях, ценностях и назначении важных областей социальной практики.

Понимая это, можно без труда представить набор компетенций будущего выпускника программы по прикладной этике. Такому специалисту надо уметь предвидеть моральные коллизии, продумывать аргументы сторон и возможные решения, прогнозировать их последствия для разных заинтересованных лиц, общественных групп и целого социума. В этом плане специалист по прикладной этике занимает промежуточное положение: с одной стороны, он сам выходит из академического сообщества, поэтому внимательно наблюдает и изучает существующие профессиональные практики. С другой – как обитатель общества, но обладающий повышенной моральной чувствительностью, понимает моральные запросы своего окружения и готов их выражать в различных дискуссиях.

Если обращать внимание на содержательную сторону обучения, то в силу дискуссионной специфики прикладной этики, образование по этому направлению должно методически строиться в виде практики обсуждения. Иначе трудно представить, как студенты обретут навыки формулирования моральной позиции и её аргументации. Именно дискуссионное содержание базовых предметов должно выходить на первый план и сталкивать различные позиции. Действующие ныне образовательные стандарты, предусматривающие огром-

ное количество лекционных предметов и почти полное отсутствие практических занятий, не особенно дают возможность преуспеть в этом направлении, но то же время, и не ставят непреодолимых препятствий. Современные стандарты отдают большое количество кредитов на практики, имеет смысл ориентировать их на формирование коммуникативных навыков. Можно бы предположить, что лучшее поле для них – дискуссионные площадки в СМИ, где обсуждаются различные острые вопросы и надо уметь точно сформулировать свою позицию, надежно её аргументировав.

Но не только нацеленность на организацию обсуждений по социально значимым проблемам должна отличать подготовку по прикладной этике. Такие обсуждения не хуже организуют журналисты, блогеры, либо специалисты по медиации. У направления должна быть отличительная ценностная черта, которая могла бы указать, почему общество не может обойтись без этой профессии. А также доказать, почему прикладная этика именно сейчас должна быть востребована: чем она меньше востребована, тем хуже для общества. Дело не только в том, что этика видит моральные риски и предсказывает ценностные столкновения, но опираясь на свои знания и опыт, она берет на себя ответственность за их предотвращение. Как и философская этика, она направлена не только на рассуждение, но, прежде всего на поступки, но только такие, которые осуществляются в неоднозначных ситуациях, связанных с моральными дилеммами. Согласно своему назначению, прикладная этика способна предлагать запутавшимся в ценностных ориентирах социальным практикам найти возможные, приемлемые для всех заинтересованных лиц выходы, которые не дадут этим практикам деградировать и отрицательно влиять на общество, и даже разработать программу конкретных действий для этого. Здесь уместно ещё раз напомнить вопрос основания такого вмешательства в профессиональную сферу со стороны «экстерналов», но надо отметить, что прикладная этика и называется *прикладной*, поскольку вмешивается не в сами профессиональные сферы, а только прогнозирует возможные последствия их деятельности. К примеру, у прикладной этики нет права предлагать принципы реформирования целых крупных отраслей, например, медицины и образования, но есть право и даже обязанность предвидеть опасности предлагаемых реформ и делать все, чтобы уведомить о них общество. Это уведомление уже представляется серьезным поступком, на который другие комментаторы не всегда окажутся неспособными. Конечно, для прогнозирования последствий важно иметь хотя бы начальные компетенции специалиста в этих областях, чтобы знать различные, порой противоположные модели их разви-

тия, например, альтернативные подходы к пониманию тех же педагогики и медицины, а точнее к их ценностному содержанию. Но принципиально дискуссионный характер преподавания, выстроенный вокруг обсуждения дилемм профессионально ориентированных практик, может частично передать требуемые знания.

Отсюда становится ясна главная задача прикладной этики, которую не может достичь ни одна другая образовательная область. Не предлагая готовых решений для выхода из ценностных столкновений, она берет на себя ответственность не допустить самых опасных, т.е. вредоносных решений. Разумеется, в пространстве коммуникативных практик, где единственно вращается прикладная этика, у неё нет административно-начальственных сил, чтобы противостоять им, но настоятельно предупреждать окружающих о существенных рисках, надеясь при этом на действие общественных сил, – это её обязанность.

В современном мире нельзя равным образом хорошо разбираться в тенденциях развития всех общественных институтов. Прикладная этика – эта громадная область исследований, где каждая сфера требует особых знаний. Стандарты третьего поколения, на основании которых изначально строились вузовские магистерские программы, фактически предусматривали лишь обзорную подготовку по всем разделам направления. По идее, разработчикам следовало бы сделать заметный акцент на одну из предметных областей, к примеру, на биоэтику, либо этику бизнеса, что допускалось логикой стандартов, но отчетливой профилизации учебных планов никто из разработчиков первой волны не предусмотрел. Это обстоятельство тоже не добавило привлекательности новому направлению, особенно для тех, кто желал получить от него конкретные навыки. Стандарты поколения «3++» исправили первоначальный пробел, и теперь создатели образовательных программ должны обязательно предусмотреть ведущий профиль, а в идеале – несколько профилей. Указанная особенность поможет разработчикам ориентироваться на конкретные запросы общества, а не давать общую информацию об основных проблемах прикладной этики. С другой стороны, современная образовательная стратегия должна не только отвечать на запросы, но и в каком-то смысле их формировать. Прикладная этика – разветвленная, серьезно теоретически нагруженная исследовательская область, и она часто открывает такие решения наболевших проблем, или такие новые горизонты человеческих отношений, о которых раньше говорилось редко. Благодаря ценностному поиску постепенно осуществляется гуманизация целых социальных областей, например, образования, медицины, социальной помощи. Справедли-

во утверждать, что, в идеале, прикладная этика должна стать особой сферой мысли, которая бы первой заявляла о моральной неприемлемости различных явлений, до сих пор существующих в рамках некоторых практик, и предлагала бы способы их искоренения.

Если подойти к конструированию программы по прикладной этике с указанных позиций, то становится понятным, на какого абитуриента она рассчитана. Программа будет интересной тем, кто уже имеет опыт работы в различных областях, но остался недоволен их ценностным состоянием, либо отношением к ним со стороны общества. Это тот, кто желает изменить отношения людей внутри своей профессиональной сферы (педагога и ученика, работодателя и работника и т.д.) и стремится узнать о существующих наилучших стандартах этих отношений. Такие абитуриенты, а потенциально и выпускники, обогатят программу своими профессиональными знаниями и дадут ей возможность развиваться дальше.

#### Список литературы

1. Бизнес-образование в России // URL: <капитаны-россии.рф/news/biznes-obrazovanie-v-rossii/>
2. Приказ № 89 Минобрнауки России от 1 февраля 2022 г. «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программ специалитета, программ магистратуры, программ ординатуры и программ ассистентуры-стажировки» // URL: <[https://fgosvo.ru/uploadfiles//npo/Pr\\_MON\\_89\\_01022022.pdf](https://fgosvo.ru/uploadfiles//npo/Pr_MON_89_01022022.pdf)>
3. *Tronto J.* Who is Authorized to Do Applied Ethics? Inherently Political Dimensions of Applied Ethics // *Ethic Theory Moral Prac.* 2011. 14. P. 407–417.